

2. Скуратовская Л. И. «Книги Джунглей» Киплинга как жанровый эксперимент / Л. И. Скуратовская // Литературные традиции в зарубежной литературе XIX–XX веков : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь : Перм. ун-т, 1983. – С. 113–121.
3. Скуратовская Л. И. Троя в стихах Осипа Мандельштама: проблема лиризма / Л. И. Скуратовская // Наук. зап. Харк. нац. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Сер. Літературознавство / ред. кол.: Л. Г. Фрізман (відп. ред.), О. А. Андрущенко та ін. – Х. : ППВ «Нове слово», 2009. – Вип. 4 (60), ч. II. – С. 44–56.
4. *Backscheider Paula R.* Reflections on Biography / Paula R. Backscheider. – NY : Oxford Univ. Press, 2002. – 289 p.
5. *Bell Q.* Virginia Woolf: A Biography / Q. Bell. – Harcourt : A Harvest Book, 1974. – 314 p.
6. *Briggs J.* Virginia Woolf: An Inner Life / J. Briggs. – Harcourt : A Harvest Book, 2006. – 528 p.
7. *Caughie Pamela L.* Flush and the Literary Canon: Oh where oh where that little dog gone / Pamela L. Caughie // Tulsa Studies in Women's Literature. – 1991. – N 10. – P. 47–66.
8. *Goldman J.* The Cambridge Introduction to Virginia Woolf / J. Goldman. – NY : Cambridge Univ. Press, 2006. – 170 p.
9. *Humm M.* The 1930s and Flush / M. Humm // The Cambridge Companion to Virginia Woolf / ed. by Susan Sellers. – NY : Cambridge Univ. Press, 2010. – P. 70–88.
10. *Lee H.* Virginia Woolf / H. Lee. – L. : Vintage, 1997. – 892 p.
11. *Woolf V.* A Writer's Diary / V. Woolf. – L. ; NY : Mariner Books, 2002. – 372 p.
12. *Woolf V.* Flush: A Biography / Virginia Woolf. – NY and Scarborough : New American library, 1982. – 126 p.
13. *Woolf V.* Lapin and Lapinova [Electronic resource] / Virginia Woolf // A Haunted House and other short stories. – L. ; N.Y. : Mariner Books, 2002. – 168 p. – Access mode: <http://ebooks.adelaide.edu.au/w/woolf/virginia/w91h/chapter9.html>.
14. *Woolf V.* The Letters / V. Woolf ; ed. by N. Nicolson and J. Trautmann. – L. : Hogarth Press, 1975–1984. – Vol. V. – 274 p.

Надійшли до редколегії 15.04.2012 р.

УДК 821.161.1-31.09

В. С. Холодков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЗМА В РОМАНЕ Ф. ИСКАНДЕРА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА»

Розглянуто концепцію історизму в романі Ф. Іскандера «Сандро з Чегема» та її відмінність від концепцій історизму О. Пушкіна та Л. Толстого.

Ключові слова: історизм, Іскандер, історія, міфи.

Рассмотрены концепция историзма в романе Ф. Искандера «Сандро из Чегема» и её отличие от концепций историзма А. Пушкина и Л. Толстого.

Ключевые слова: историзм, Искандер, история, мифы.

The historicism conception in F. Iskander's novel "Sandro from Chegem" and its difference from conceptions of a historicism of A. Pushkin and L. Tolstoy is examined.

Key words: historicism, Iskander, history, myths.

Историзм как принцип познания вещей и явлений в их становлении и развитии в той или иной степени свойственен любому значительному литературному произведению вне зависимости от его жанра и стиля. Осмысливая посредством художественных образов окружающую действительность, литература находит

истоки сьогоднішніх явлень в прошлом, а описывая минувшие эпохи, стремитсь связать их с современностью, рассмотреть явления в их развитии и взаимосвязи. Таким образом, историзм – это особый творческий метод познания действительности, утвердившийся в начале XIX века, без которого литература уже немьслима. Творчество Ф. Искандера не является исключением.

Целью нашего исследования является определение концепции историзма Ф. Искандера, нашедшей своё воплощение в романе «Сандро из Чегема».

Творчество Ф. Искандера изучалось и изучается многими исследователями. Так, анализу произведений Ф. Искандера посвящены многие работы Н. Ивановой (в частности, монография «Смех против страха или Ф. Искандер»), работы М. Липовецкого, Е. Ермолина. Рассмотрение принципов историзма в творчестве Ф. Искандера также имело место в статьях и монографиях различных исследователей. В частности, Н. С. Выгон в своей статье «Ленин – всегда живой? (Эволюция мифологемы в прозе Ф. Искандера)» исследует деконструкцию советских мифологем в произведениях Ф. Искандера, А. Жолковский в статье «Очные ставки с властителем: из истории одной „пушкинской“ парадигмы» демонстрирует наследование Ф. Искандером принципов историзма Л. Толстого, которые в то же время противопоставляются принципам историзма А. Пушкина и В. Скотта. Н. Иванова в своих работах делает важные наблюдения, касающиеся пародирования Ф. Искандером официальной идеологии и специфики изображения им народной жизни.

В предисловии к роману «Сандро из Чегема» сам Ф. Искандер достаточно точно сформулировал замысел своего произведения: «История рода, история села Чегем, история Абхазии и весь остальной мир, как он видится с чегемских высот – вот канва замысла». Жизнь нескольких поколений обитателей высокогорного села Чегем показана Ф. Искандером на фоне драматических событий российской и советской истории XX века. Хронологические рамки романа охватывают период с начала века до начала 80-х, то есть до конца эпохи брежневского застоя (за исключением входящих в сюжет нескольких сказок и преданий, действие которых предположительно относится к более отдалённому прошлму). Как отмечает Н. Иванова, «...трудно отыскать тот исторический момент или социальный институт, который так или иначе не нашёл бы своего отражения в книге» [3, с. 231]. При этом выбор места действия (высокогорная деревня Чегем) позволяет автору не описывать исторические события даже в их локальном отражении. И чегемцы, и даже абхазцы-горожане узнают об исторических бурях лишь по слухам («Все эти приживалки... с ужасом прислушивались к вестям из России, где, по слухам, рабочие не только греческих коммерсантов, собственного царя не пощадили, оставив его с женой и детьми без куска хлеба») [4, с. 64]. Точно так же узнают чегемцы и о событиях, происходящих в Абхазии: «Слухи о том, что некоторых богатых крестьян высылают в Сибирь, уже дошли до Чегема» [4, с. 129]. Мир большой истории, творимой, казалось бы, где-то за границей чегемского застывшего идиллического времени и пространства (а значит, и за пределами искандеровского нарратива), тем не менее постоянно вторгается в чегемский мир: «Подобно тому, как на скотном дворе стоит сделать неосторожный шаг, как тут же угодишь в коровью лепёшку, так и в те времена, говаривал дядя Сандро, бывало носа не высунешь, чтобы не шмякнуться в какую-нибудь историю» [4, с. 77]. Стоит обратить внимание и на то, что в данной цитате слово «история» приобретает двойственное значение и может толковаться и как «действительность в её развитии, движении», и как «происшествие, преимущественно неприятное, скандал» [6, с. 209].

Герои романа не творят историю и не являются непосредственными свидетелями важных исторических событий, но при этом отзываются на происходящее

глубокою рефлексією, пыгаются определить своё отношение к тому или иному факту или объяснить логику хода истории.

Отчуждение главного героя (так же, как и остальных чегемцев) от исторического процесса отмечается многими исследователями. В частности, А. Жолковский отмечает сходство историзма Ф. Искандера и Л. Толстого, противопоставляя принципы историзма этих писателей принципам историзма В. Скотта и А. Пушкина. Так, судьбы героев В. Скотта неразрывно сплетены с большой историей. Они активно помогают правителям в политической борьбе (например, Айвенго из одноименного романа является ближайшим сподвижником короля Ричарда), оказываются втянутыми в политические интриги (как главный герой романа «Квентин Дорвард») или пользуются благосклонностью известного исторического лица («Роб Рой»). Скоттовский историзм наследует и А. Пушкин. Так, в «Капитанской дочке» главный герой оказывает услугу Пугачёву (дарит заячий тулупчик) и пользуется благосклонностью правителей (и Пугачёв, и Екатерина II дарят главному герою жизнь и свободу). Эти принципы историзма претерпевают существенные изменения уже в творчестве Л. Толстого. «В «Войне и мире» исторические персонажи, наоборот, не вмешиваются в личную жизнь вымышленных» [2, с. 5]. При этом даже покровительство исторических лиц не спасает героя (Кутузов и Андрей Болконский), а попытки героев вмешаться в ход истории оказываются тщетными (неудавшееся покушение на Наполеона, задуманное Пьером).

Ф. Искандер наследует толстовскую концепцию историзма. Все попытки героев Ф. Искандера «попасть» в историю, как и у героев Л. Толстого, также оказываются безуспешными. Например, попытка дяди Сандро предупредить большевиков о планах меньшевиков оказывается нелепостью: «Вот люди, – усмехнулся комиссар, – шестой человек приезжает с этой чепухой да ещё просит учесть его заслуги» [4, с. 99].

В романе Ф. Искандера также важное место обретает мотив бездействия, вынужденного или добровольного, которое главный герой, сталкиваясь с Историей, предпочитает действию. Так, заехав в гости к богатому табачнику, дядя Сандро не вступает в бой с меньшевиками, собирающимися ограбить хозяина дома: «Так что, впускать? – спросил дядя Сандро, потому что ему не очень хотелось рисковать жизнью ради этого табачника, тем более, что дверь у него прошивалась пулями, как тыква» [4, с. 15].

Но, разделяя толстовское понимание истории, Ф. Искандер идёт ещё дальше. Анализируя главу «Пир Валтасара», А. Жолковский отмечает: «Доминантой сюжета становится амбивалентное совмещение причастности рядового протагониста к Истории и необходимости понадежнее от неё укрыться» [2, с. 12]. Если трагедия главных героев романа «Война и мир» (прежде всего Андрея Болконского и Пьера Безухова) обусловлена тем, что они не могут изменить ход исторических событий, то в романе «Сандро из Чегема» трагедией является неспособность персонажей избежать давления большой истории, которая опасна сама по себе. И действительно, амбивалентное толкование истории и как некоего процесса, определяющего жизнь всего общества, и как ряда неприятных и опасных происшествий лейтмотивом проходит через весь роман. Наиболее отчётливо концепция историзма Ф. Искандера и её отличие от концепций В. Скотта и Л. Толстого отражена в сюжете главы «Пир Валтасара». Как указывает А. Жолковский, «скоттовско-пушкинская парадигма перевернута здесь в духе Толстого, только ещё радикальнее» [2, с. 12]. Дядя Сандро с радостным волнением ждёт встречи со Сталиным (такие же чувства испытывает Николай Ростов по отношению к Александру I). Сталину кажется, что он где-то видел дядю Сандро, и тот интуитивно чувствует опасность. Лишь позже дядя Сандро понимает, что Сталин и грабитель, которого он видел в далёком детстве, – одно лицо.

Дядя Сандро не опознає Сталіна в грабітеле, оказывая будущему вождю услугу: «По взгляду его можно было понять, что скажи он вовремя отцу о человеке, который прошёл по нижнечегемской дороге, вся мировая история пошла бы другим, во всяком случае, не нижнечегемским путём» [4, с. 212]. Но традиционный мотив услуги, оказанной протагонистом правителю, получает у Ф. Искандера иную трактовку. А. Жолковский отмечает: «Но Сталин Искандера – это не пушкинский Пугачёв и даже не толстовский Даву или Наполеон: ни о законе, ни о милости, ни о человечности речь не заходит, и протагонист никоим образом не может рассчитывать на благополучный исход распознавания его властителем» [2, с. 13]. Несмотря на благополучный исход встречи со Сталиным, дядя Сандро вскоре возвращается в родную деревню, страшаясь надвигающихся репрессий, фактически бежит от мира большой истории.

Таким образом, история, врываясь в идиллический мир Чегема, представлена автором романа как некая враждебная стихия, к тому же не поддающаяся логическому объяснению (достаточно вспомнить недоумение чегемцев, когда они узнают, что Ленин до сих пор находится в Мавзолее, а Сталин, заслуживший, по мнению чегемцев, такую незавидную участь, похоронен). Более того, любую однозначную трактовку истории, как навязываемую сверху, Ф. Искандер подвергает серьёзному сомнению. Автор отвергает официальную историю (и государственную идеологию в целом), навязываемую государством. Н. Иванова отмечает, что в романе «официальный взгляд на землю и на человека противоположен народному» [3, с. 219]. Вся официальная история XX века подвергается сомнению и является, по Ф. Искандеру, набором мифологем, которые разрушаются под воздействием народного смеха: «Чегемцы проходили ускоренный курс исторического развития. Делали они это с некоторой патриархальной неуклюжестью. С одной стороны, у себя дома в полном согласии с ходом истории решениями вышестоящих органов (в сущности, сам ход истории тогда был предопределён решениями вышестоящих органов) они строили социализм, то есть вели колхозное хозяйство. С другой стороны, выезжая в город торговать, они впервые приобщались к товарно-денежным капиталистическим отношениям» [4, с. 77].

Автор последовательно деконструирует советские исторические мифы, противопоставляя им народные мифы, которые предлагают альтернативную трактовку хода истории и пародируют официальные исторические догмы. Так, Н. С. Выгон предлагает говорить о принципиальности мифологизма Ф. Искандера: «Мощное воздействие национального фольклора и философичность юмористического мироощущения Искандера позволяют говорить о мифологизме художественного мышления писателя» [1, с. 15].

Один из самых ярких примеров такой ремифологизации – миф о Ленине как о «Том, кто Хотел Хорошего, но не Успел». Согласно представлениям чегемцев «Ленин был величайшим абреком всех времён и народов. Он стал абреком после того, как его старшего брата, тоже великого абрека, поймали и повесили по приказу царя» [4, с. 536]. Это произошло оттого, что царь ударил брата камчой, а тот решил отомстить. После этого отомстить за брата решил Ленин: «И тогда Ленин дал клятву отомстить за кровь брата. Наконец, он подстерг царя, убил его и перевернул его власть» [4, с. 537]. Данный миф объясняет и причины революции (месть за брата), и сталинские репрессии (стремление Сталина уничтожить людей, знающих о завещании Ленина), и даже помещение Ленина в Мавзолей (желание Сталина насладиться победой над Лениным).

Таким образом, мифологическая концепция трактует историю как алогичный процесс, полный случайностей (случайный удар камчой становится причиной революции) и даже нелепостей (создание Мавзолея). Пародийный характер носит и другой эпизод романа, связанный с альтернативной трактовкой истории.

После совместной рыбалки Сталин дарит промокшему дяде Сандро кальсоны (Ф. Искандер явно пародирует мотив облагодетельствования правителем протагониста). Однако сам дядя Сандро считает, что спас абхазцев от депортации: «Через этот подарок, – сказал дядя Сандро, переждав тётю Катю, как некий стихийный шум, – он хотел сказать, что выселение абхазцев отменяется... То ли я ему сильно понравился, то ли ещё что» [4, с. 281]. Следует отметить и повторяющийся мотив неясности хода истории (протагонист сам не уверен в правильности выводов). Авторское понимание истории как нелинейного и непоследовательного процесса подчёркивает такая же нелинейная композиция романа.

Таким образом, в романе «Сандро из Чегема» Ф. Искандер пародирует официальную советскую историю и разрушает советские мифологемы, но в то же время, как справедливо указывает А. Жолковский, «...отталкивание от Истории... не сопровождается у Искандера (в отличие от Толстого) сближением с каким-либо иным, более «своим», Другим» [2, с. 13]. Другими словами, отрицая официальный советский взгляд на историю, Ф. Искандер при этом не пытается навязать читателю собственную трактовку, ограничиваясь созданием пародийных мифов, наполненных народным смехом и мировоззрением. Отрицая историю как последовательный процесс, Ф. Искандер отрицает официальную правду о мире и противопоставляет ей правду народную. Н. С. Выгон отмечает: «По Искандеру, вечны свет, дом, род – эманации разума, и временны «Ленин вчера и Ленин сегодня, и энергия безумцев, которая правит миром» [1, с. 22]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что власть и события Большой Истории, по Ф. Искандеру, временны и преходящи, а народ – вечен: «Мне часто снится один и тот же сон... Мне снится, как будто я на гребне холма... И тут я вижу, что мой старик спускает за мной в котловину Сабида... По лицу его видно, что крестьянское дело не погибло... и он знает, что крестьянское дело будет вечно и никогда не кончится, и я буду вечно, и он будет вечно...» [4, с. 264].

Библиографические ссылки

1. *Выгон Н. С.* Ленин – всегда живой? (Эволюция мифологемы в прозе Ф. Искандера) / Н. С. Выгон // *Филол. науки.* – № 2. – С. 14–24.
2. *Жолковский А. К.* Очные ставки с властителем. Из истории одной пушкинской парадигмы [Электронный ресурс] / А. К. Жолковский. – Режим доступа: <http://ruthenia.ru/document/532193.html>.
3. *Иванова Н. Б.* Смех против страха или Фазиль Искандер / Н. Б. Иванова. – М. : Сов. писатель, 1990. – 320 с.
4. *Искандер Ф.* Сандро из Чегема / Ф. Искандер. – М. : Эксмо, 2009. – 1104 с.
5. *Липовецкий М.* Знаменитое чегемское лукавство: странная идиллия Ф. Искандера [Электронный ресурс] / М. Липовецкий. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/lip.html>.
6. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
7. *Тойнбин И. М.* Вопросы историзма и художественная система Пушкина 1830-х годов [Электронный ресурс] / И. М. Тойнбин. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/im6/im6-035-.htm>.

Надійшла до редколегії 15.04.2012 р.